

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Сажин. Институтка: автопортрет в советском интерьере 5

ДНЕВНИК. 1898—1945

1898	23
1899	25
1900	30
1901	42
1902	47
1903	53
1917	54
1927	74
1929	77
1930	84
1931	107
1932	112
1933	129
1934	155
1935	187
1936	206
1937	213
1938	220
1939	229
1941	247
1942	296
1943	387
1944	419
1945	460
Комментарии	508

ИНСТИТУТКА: АВТОПОРТРЕТ В СОВЕТСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Дефицит искренних дневников советских граждан — одно из частных проявлений тотального дефицита, свойственного советскому периоду российской истории. Причины этого дефицита общеизвестны: политическое и идеологическое устройство тогдашнего государства. Д.П. Кончаловский справедливо отмечал: «Если участники или наблюдатели советской жизни и вели записи событий в форме дневников (что было в высшей степени рискованно), то мало шансов, чтобы эти записи сохранились. Лично я не вел своего дневника; описывать события в моем антибольшевистском преломлении было опасно в случае обыска, который был всегда возможен: риск был в данном случае не только для меня, но и для лиц, которых я упоминал бы в моем рассказе»¹. Между тем благодаря публикациям в последние полтора-два десятилетия некоторых сохранившихся дневников, которые вели, так сказать, нелояльные советские граждане, оказывается возможным к этой справедливой в общем характеристике добавить некоторые нюансы, ее отчасти корректирующие.

Прежде всего можно более или менее локализовать во времени такие дневники: их прекращают вести (если не вовсе уничтожают) на переходе («переломе») от 1920-х к 1930-м гг.², что объяснимо расширением с начала 1930-х репрессий, сопровождавшихся обысками; с декабря 1934 г. репрессии уже приобрели массовый характер (в связи с этим выглядит запоздалой (и явно преувеличенной) реплика Тынянова (в передаче В. Каверина) осенью 1937 г. «Я схожу с ума, — сказал он, — когда думаю, что каждую ночь *тысячи людей* (курсив мой. — В.С.) бросают в огонь свои дневники»³). Редкие смельчаки и в 1930-е гг. продолжали фиксировать в дневниках свое неличеприятное мнение о советской власти — таков дневник 1933—1940 гг. А.Г. Манькова (в предисловии приводится письмо Д.С. Лихачева от августа 1994 г.: «Я удивляюсь — какой Вы смелый. Ведь за такие дневники могли расстрелять. <...> лучшей передачи духа времени мы не знаем»)⁴.

Особый период для жанра дневника наступил с началом Великой Отечественной войны (и с окончанием войны — завершился). Минувя целый комплекс мотивировок, вызвавших к жизни поток, в частности, ленинградских блокадных дневников, отметим в данном случае одну. Если катастрофическое неблагополучие

¹ Кончаловский Д.П. Воспоминания и письма: (От гуманизма к Христу). Paris, 1971. С. 176.

² См., например: Куллэ Р.Ф. Дневник 1924—1932 гг. // Уроки гнева и любви. Л., 1990. Вып. 1. С. 2—11; Вып. 2. С. 12—28; Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris, 1991.

³ Каверин В. Эпилог. М., 2006. С. 234.

⁴ Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С. 12 (впервые: Звезда. 1994. № 5; 1995. № 11).

жизни, претерпеваемое гражданином в довоенное время, имело *внутренние* причины, на которые указывать было смертельно опасно, то в период войны (и блокады) оно приобрело причину *внешнюю* — немецкий фашизм, который ненавидеть было не только не рискованно, но и полагалось. Осознанно или инстинктивно, люди не только не опасались фиксировать в дневниках мрачные детали повседневного существования, но и считали это необходимым сделать прежде всего для обличения фашизма.

Исследователями отмечен рост числа дневников с середины 1950-х гг.⁵, но и он не был долговременным.

Таким образом, знакомство с разнообразными аспектами жизни минувших времен, на которое обычно рассчитывает читатель дневников, в случае с дневниками советского периода разочаровывает — и ничтожным их количеством, и неадекватностью содержания реальным историческим обстоятельствам⁶.

Дневники Л.В. Шапориной — исключение из сказанного выше. Это не имеющий аналогов среди опубликованных на сегодняшний день дневников советского периода путеводитель абсолютно по всем аспектам жизни 1920—1960-х гг.: повседневному быту; умонастроениям интеллигенции, рабочего класса, крестьянства; политической истории и истории культуры — театра, музыки, живописи... Добавим к этому, что дневниковые записи начинаются еще в XIX в. и включают также и ретроспективные мемуарные фрагменты о событиях досоветского периода. И наконец: это дневники человека, которому чужда власть, правящая страной, и который на всем протяжении дневника (собственно, всей жизни) искренне пишет об этом.

Настоящее предисловие — несколько предположений о том, откуда произошло ли два таких феномена: человека и дневника.

Любовь Васильевна Шапорина (урожденная Яковлева) родилась 9 (22) декабря 1879 г.⁷ в Москве в дворянской семье⁸. О фундаментальности семейных традиций

⁵ «В них отражается сиюминутное восприятие исторического факта, события, явления. Но вот оценка его присутствует там не всегда. Да и дается часто с учетом самого разного рода посторонних обстоятельств, в том числе небезосновательных опасений, что их читателями окажутся нежелательные лица» (*Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004. С. 11*).

⁶ Об этом см., например: *Шинкаричук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.*

⁷ Во всех сохранившихся документах, вплоть до свидетельства о смерти (самый ранний из них — виза на въезд с детьми во Францию от 28 октября 1924 г.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 22), указана дата рождения: 1885 г.

⁸ Подробные биографические сведения о предках Шапориной и близких родственниках, выявленные в РГИА, ЦГИА Санкт-Петербурга и РГА ВМФ, см.: *Носова А.Г. Л.В. Шапорина*

можно судить по двум вещам: именам детей и их профессии. У Яковлевых мальчиков всегда называли Василиями в честь деда по отцовской линии⁹ (в случае рождения в семье второго мальчика ему давали имя в честь дедушкиного брата Александра); и профессию мальчики наследовали дедовскую — служили, как и он, по морскому ведомству. Насколько можно судить по дневнику, отношения между родителями Шапориной не были идиллическими и не могли служить для нее вдохновляющим примером. Однако соблюдение формальной этики в собственной семейной жизни — при всех драматичных перипетиях — являлось для нее незыблемым императивом, а нередкое несоответствие этой этике со стороны близких всегда вызывало у Шапориной негативную реакцию.

Двенадцати лет, в январе 1892 г., Шапорова отдала на воспитание и обучение в Санкт-Петербургское училище ордена Св. Екатерины (Екатерининский институт)¹⁰ на набережной реки Фонтанки, дом 36¹¹.

По общепринятому мнению, образование здесь, как и вообще в такого рода учебных заведениях, было уровнем ниже, чем в хороших гимназиях. Но между тем иностранные языки — французский и немецкий — усваивались неплохо благодаря правилу чередовать в разные дни общение то на одном, то на другом языке¹². Помимо языков акцент в образовании делался на музыке, хоровом церковном пении, живописи, домоводстве, рукоделии.

Вообще все содержание образования ориентировалось на главную воспитательную цель: выпускники должны были стать высоконравственными женами и матерями, которые передали бы своим детям веру в Бога и любовь к отечеству и монаршей власти. Примером истового патриотизма, культивировавшегося в училище, стала легендарная история о том, как классная дама некогда читала воспитанницам известия с фронта Крымской войны. В числе погибших назывались имена двух братьев одной из присутствовавших воспитанниц. «Девушка заплакала и сквозь слезы произнесла: “Слава Богу, что они умерли за Царя и Отечество”»¹³.

и ее фонд в Рукописном отделе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 96—132.

⁹ Эта традиция сохранилась у Яковлевых и в эмиграции.

¹⁰ Впоследствии в автобиографиях Шапорова указывала местом своего обучения средней школу в Петербурге (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 23); отметим, что автобиографии советских граждан, родившихся и получивших образование до Октябрьской революции, в разных отношениях интересный и показательный документальный источник.

¹¹ Об этом учебном заведении см.: *Карцов Н.С.* Несколько фактов из жизни С.-Петербургского училища Ордена Св. Екатерины. СПб., 1898; Исторический очерк столетней деятельности С.-Петербургского училища ордена Св. Екатерины. СПб., 1902.

¹² Английский нарочито был в загоне; ср. с заметной по дневнику Шапориной ее англофобией.

¹³ *Карцов Н.С.* Указ. соч. С. 23.

За десятилетия существования закрытых женских учебных заведений сформировался такой образ поведения и тип личности их воспитанниц, что слово «институтка» стало нарицательным¹⁴.

Институткой могли называть женщину, эмоционально, прямодушно и не задуываясь об условностях выражавшую свои чувства. Так говорили о взрослом человеке, с детской непосредственностью и наивностью удивлявшемся привычным большинству людей негативным моральным чертам: лжи, лицемерию, неверности, непорядочности... Так характеризовали женщину, не находящую себе занятия и не умеющую приспособиться к практической жизни, а оттого впадающую в уныние и самоуничижение.

Шапорина с отличием прошла пятилетний обязательный курс обучения в Екатерининском институте¹⁵ и в числе еще одиннадцати воспитанниц была оставлена для двухлетнего продолжения обучения в педагогических классах¹⁶. 15 мая 1899 г. окончились выпускные экзамены и она вернулась в родительский дом.

Дальнейшее зависело от степени влияния, оказанного на нее годами обучения и институтским воспитанием, обстановкой в семье и, разумеется, природными свойствами Шапориной.

Самые светлые жизненные воспоминания будут у нее связываться с годами институтской жизни, потому что реальность, с которой она столкнулась после института, окажется в вопиющем нравственном противоречии с усвоенными ею там принципами. Своеобразие и цельность натуры Шапориной проявятся в том, что всю дальнейшую долгую жизнь в своем поведении и эмоциях она будет руководствоваться принципом «не доверять мнению большинства общества, идти всегда прямо»; «Жить так и действовать так, чтобы каждый вечер душа, совесть была вполне спокойна <...>» (I, 25)¹⁷. Естественные трансформации с годами девических идеалов и правил поведения настолько минуют Шапорино, что и на склоне лет в глазах ок-

¹⁴ Обстоятельное исследование этого феномена см.: *Белюсов А.Ф.* Институтки в русской литературе // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 77—90; *Он же.* Институтка // Школьный быт и фольклор: В 2 ч. Таллинн, 1992. Ч. 2. С. 119—159; *Он же.* Институтка // Ускользящее время, или Плоды воспитания. СПб., 1996. С. 28—37; *Он же.* Институтки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 5—32.

¹⁵ За это она удостоилась чести на праздновании 100-летнего юбилея института 26 мая 1898 г. в присутствии императорской семьи прочитать стихотворение, написанное к юбилею одной из бывших воспитанниц (см.: Исторический очерк столетней деятельности С.-Петербургского училища ордена Св. Екатерины. С. 475).

¹⁶ См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 31. Л. 5. Это образование дало ей возможность, по видимому, в 1909 г. преподавать в Смольном институте (что именно — неизвестно, возможно, рисование: живописи она незадолго до этого училась в Париже); см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68. Л. 5.

¹⁷ Здесь и далее в предисловии в скобках даются ссылки на том и страницы дневника Шапориной в настоящем издании.

ружающих она будет воплощать все те же характерные черты институтки: «Я уже несколько раз замечала, что вы на многое реагируете, как будто вам шестнадцать лет» (II, 292); «У вас понятия XVIII века» (II, 59); «весь мир таков, это вы необыкновенны» (II, 13); «Вы всегда скажете в лицо людям их правду или неправду»¹⁸, а родственники или близкие знакомые будут и в 70 лет называть ее, как подростка, Любаней или Любашей (I, 473)¹⁹.

Со своими жизненными принципами и идеалами она уже по выходе из института почувствовала себя одинокой. Как можно судить по дневникам Шапориной, ее одиночество в эти годы акцентировалось крайне обострившимися отношениями с матерью, женщиной неласковой и нравной, для которой, по-видимому, Люба оказывалась на вторых ролях в сравнении с ее дочерью от первого брака.

До конца жизни ведя дневник, — выходя замуж, рожая детей, имея довольно широкий круг общения, приобретая новых друзей, — Шапорина вместе с тем то и дело записывает, что это ее единственный собеседник, который замещает отсутствующего подлинного друга, с которым она могла бы быть безоглядно откровенной. Возможно, в такой самооценке сказывалась свойственная ее характеру склонность иной раз излишне драматизировать некоторые житейские ситуации, но именно благодаря этому — и верности однажды начатому делу — и сформировался дневник Шапориной, лишенный какой бы то ни было оглядки на возможного читателя (только в 1949 г., на пороге семидесятилетия, она задумается о потенциальном читателе, но лишь затем, чтобы, перечитав написанное, уточнить некоторые факты).

По окончании института Шапорина не избежала традиционного для ее бывших соучениц ощущения неприкаянности. В наилучшем положении оказывались те, кто вскоре сумел выйти замуж, — тотчас исполнив главное (если не единственное) предназначение, к которому готовил институт. Другие (и Шапорина в их числе) очень скоро осознали, что за годы учения не получили таких знаний или умений, которые бы позволяли применить их к какой-либо деятельности. Отмеченная современниками в качестве типичной для институток неуверенность в себе и склонность к самоуничижению у Шапориной окажется утрированной, потому что совпадет, по-видимому, со свойствами ее характера. «Овца, ни на что не годная» (I, 23) — рефлексия началась еще за полгода до выпуска. А затем это станет лейтмотивом: «...неужели так и пройдет жизнь и я опущусь, погрязну, не сделав ничего» (I, 28; см. также: I, 30—31). Но и по прошествии еще тридцати лет (и практически до конца жизни) к ней будет возвращаться сознание органической неспособности устроить складно свою жизнь: «Я не выдержала экзамена на жизнь. Меня жизнь сломила, у меня не хватило дарованья, силы, упорства, энергии. Тяжело, конечно, было — но это не извиненье» (I, 136).

¹⁸ Письмо М. Юдиной к Шапориной от 4 января 1958 г. (Кабинет рукописей Российского института истории искусств (РИИИ). Ф. 48. № 59. Л. 12).

¹⁹ См.: *Попов Г.Н.* Из литературного наследства: Страницы биографии. М., 1986. С. 150.

Оборотными — благими — сторонами свойственной Шапориной авторефлексии окажутся, во-первых, потребность, как сказано, в ведении дневника (средства для постоянной самооценки) и, во-вторых, действенный характер ее самоанализа: там, где другие разочарованно опускали руки, Шапорина совершала поступки.

Спустя почти два с половиной года колебаний в выборе жизненного поприща после окончания Екатерининского института Шапорина приняла решение начать самостоятельную жизнь в Петербурге (это время она жила в родительском доме в Вильно или в находившемся неподалеку и принадлежавшем ее сводной сестре имении Ларино). С октября 1902 г. она поселилась в столице, зарабатывала на жизнь частными уроками (что именно преподавала — неизвестно) и училась живописи у А.В. Маковского в рисовальной школе при Академии художеств. Она решила стать художницей.

Уже в 1904 г. у нее были готовы иллюстрации к произведениям К. Прутоква и получено от наследников разрешение на публикацию книги его сочинений со своими иллюстрациями²⁰. Но это издание не состоялось. Успехи Шапориной в изобразительном искусстве были таковы, что осенью 1906 г. петербургские друзья художницы Е.С. Кругликовой (работавшей тогда в Париже) рекомендовали ей Шапорину для учебы офорту²¹, а по возвращении в Петербург в 1908 г. Шапорина вскоре начнет участвовать в выставках офорта Нового общества художников и «Мира искусства»²².

За короткое время она познакомилась в литературно-художественном мире со многими людьми, которые будут сопутствовать ей — творчески и в повседневном быту — в течение последующих десятилетий: А.Н. Толстым²³, сестрами Н.Я. и Е.Я. Данько²⁴, А.А. Смирновым, В.П. Белкиным, М.А. Кузминым²⁵ и многими другими.

²⁰ См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 20 — иллюстрации; Ф. 698. Оп. 2. № 22 — переписка с наследниками А.В. и А.М. Жемчужниковых.

²¹ Воспоминания Шапориной об этом опубликованы посмертно: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сб. Л., 1969. С. 68—70. Несмотря на разницу в возрасте и статусе (Кругликова тогда была уже известной художницей), они подружатся, впоследствии Шапорина привлечет Кругликову к работе в своем кукольном театре, а перед отъездом из СССР в 1924 г. оставит Кругликовой на хранение свой офортный станок (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 30. Л. 3).

²² *Носова А.Г.* Указ. соч. С. 104. Здесь же (С. 104—105) сведения о работах Шапориной, хранящихся в Государственном Русском музее.

²³ В соседстве с ним в Детском Селе и регулярном общении пройдут почти все 1930-е гг.

²⁴ С ними Шапорину будет связывать дружба вплоть до их эвакуации во время войны из Ленинграда (перед эвакуацией сестры оставили Шапориной свой архив, книги и авторский фарфор); пьесы Е.Я. Данько ставились в кукольном театре Шапориной.

²⁵ *Кузмин М.* Дневник 1908—1915. СПб., 2005 (по указ. имен). Первоначально Кузмин называл Шапорину «своей врагиней», которую «я от души ненавижу» (*Кузмин М.* Указ. соч. С. 185 и 186) — по-видимому, ревновал ее к С.С. Познякову, с которым Шапорина дружила и

26 января 1914 г. Шапорина обвенчалась со студентом Петербургской консерватории Юрием (по официальным документам — Георгием) Александровичем Шапориным²⁶. В этот момент ему было 26 лет, а ей уже 34 года. Возможно, именно тогда она уменьшила свой возраст и стала числиться родившейся в 1885 г., чтобы оказаться всего лишь на два года старше своего мужа: она могла остерегаться того, что первый брак в 34 года уже достаточно известной художницы со студентом на восемь лет моложе ее будет выглядеть вынужденным мезальянсом.

По прошествии десятилетий она признавалась себе: «Я и замуж-то вышла, чтоб укрыться от страха перед жизнью» (I, 143), а свадебные подарки, оказывается, делала себе сама (I, 410). Вряд ли, несмотря на искренность самоанализа, Шапорина была в состоянии дать себе ответ на вопрос: почему именно в это время и именно за этого человека она вышла замуж? Тем более не будем пытаться сделать этого мы. Обратимся лучше к тем представлениям о взаимоотношениях мужчины и женщины и о супружеской жизни, которые были внушены Шапориной в институте.

Институт, конечно, трактовал семью в идеальном духе, и так рассуждает Шапорина: «...мне бы хотелось больше, выше всего жить духом, уничтожить силу физического начала — это цель моя» (I, 23). Тут пришлось кстати и чтение «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого: «...всякое желание нравиться не вообще, а мужчине, всякое предумышленное кокетство низко, гадко, отвратительно. Желать любви, как я это прежде делала, мне показалось прямо совестным. И подумав о всем этом, я пришла к заключению, что никогда не должна полюбить и [должна] не выходить замуж» (I, 26). Заметно, что такой вывод Шапорина сделала не без борьбы с собой, но важно, что итоговым было именно такое решение. Упрочению его способствовали неблагоприятные впечатления от жизни родительской семьи. Отец, вероятно, был мягким и ласковым человеком, в противоположность матери — властной, жесткой и вспыльчивой. Когда Шапорина объясняла себе причины отъезда в Петербург в 1902 г. или выхода замуж в 1914 г., всякий раз они сводились к необходимости избавиться от материнского истерического гнета, который, как видно, превалировал в атмосфере этой семьи.

часто приходила к Кузмину (см. искренние письма Познякова к Шапориной: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68), но очень скоро уже отзывался о ней так: «Она очень мила» (*Кузмин М.* Указ. соч. С. 355). Вероятно, в 1911—1912 гг. Шапорина сделала серию рисунков к книге Кузмина «Куранты любви», но завершила ее лишь в 1934 г. Спектаклем по пьесе Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» 12 апреля 1919 г. Шапорина открыла свой кукольный театр, а в 1923 г. намеревалась поставить там же спектакль по сказке Кузмина «Кот в сапогах» (с его музыкой) (см.: *Тимофеев А.Г.* Был ли разут «Кот в сапогах»? // *Всемирное слово.* 1992. № 2. С. 37—40).

²⁶ Она взяла фамилию мужа, но в дальнейшей творческой деятельности выступала под девичьей фамилией, а в литературе о ней можно встретить ее упоминания и под двойной фамилией Яковлевой-Шапориной.

Так у Шапориной складывалось убеждение, «что ужаснее нет жизненного строя, как семейный. Семья — это такой ужас, такой унижающий в человеке все человеческое строй» (I, 33).

Были ли романтические отношения в жизни Шапориной до замужества? Она указывает на них в разных местах дневника: это Б.А. Верховский, знакомый по Вильно; «разочарование молодости» — некто С.С. Иванов; по мнению Шапориной, роман назревал у нее с Н.Н. Сапуновым²⁷; наконец, по-видимому, идеальными (в понимании обеих сторон) были ее отношения с Позняковым, о чем он, вероятно, в 1909 г. писал ей так: «Вот я сознаю, что я свободен от животности. Вот я не как мужчина, не как сексуалист того или другого направления, а как человек люблю другого человека, не справляясь о его поле, не нуждаясь в его половых проявлениях»; и далее: «Вы простите, милая, что я столь бессвязно излагаю Вам Ваши же мысли. Да, это Ваши мысли, но уже и мои. Вы меня им научили, и я с ними расставаться уже не желаю. <...> Вам самый преданный и самый любящий Вас человек на всем земном шаре Сергей Позняков»²⁸.

По прошествии пяти-семи лет супружеской жизни (классического «испытательного срока») Шапорина могла сказать, что ее неприязнь к супружеской жизни оправдалась личным опытом (может, отчасти потому и оправдалась, что была предвзятой *idée fixe*).

Уже с 1919 г. Шапорины стали подолгу жить врозь: с лета этого до мая 1922 г. Юрий, изредка наезжая домой, работал в Петрозаводске с частью труппы Театра академической драмы (бывшего Александринского), преподавал в местной музыкальной школе и дирижировал симфоническим оркестром²⁹. Жена тем временем организовала в Петрограде театр марионеток, ставила в нем спектакли и лишь год, с мая 1921 по май 1922 г., прожила с мужем в Петрозаводске. Здесь, как оказалось, за время их разлуки у него образовалась едва ли не вторая семья.

В октябре 1924 г. Шапорина с восьмилетним сыном и трехлетней дочерью уехала через Берлин в Париж. Кажется, это было для нее избавлением от двусмысленного семейного положения, в которое она попала. Между тем через некоторое время муж приехал к ней, уговаривая вернуться в СССР.

Шапорина приехала в Ленинград осенью 1928 г. Но семейная жизнь не восстанавливалась. Под тем предлогом, что ему надо работать в тишине и покое, Шапорин чаще пребывал в городской квартире или уезжал надолго в Москву, а жену с детьми с лета 1929 г. поселил в Детском Селе, куда эпизодически наез-

²⁷ Шапорина была в числе пяти участников катания 14 июня 1912 г. на лодке в Териоках, когда лодка опрокинулась и Сапунов погиб; об этом событии Шапорина написала воспоминания 18 июля того же года (*Шапорина Л.В.* О Н.Н. Сапунове / Публ. А.Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 266–286).

²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68. Л. 6 — 6 об.

²⁹ См.: *Лапчинский Г. Ю.* Шапорин в Карелии // Советская музыка. 1966. № 6. С. 151—152.

жал³⁰. В их жизни возобновилась все та же, что и почти десять лет назад, двусмысленность, сопровождавшаяся пересудами многочисленных знакомых. Хозяйка обеспечивала формальную внешнюю благопристойность детскосельского семейного уклада, благодаря чему впоследствии вспоминали, например, «о чудесном доме Шапориных там же, в этом русском “Веймаре”, овеянном высоким духом незабвенной первой его супруги Любви Васильевны Яковлевой-Шапориной, художницы-портретистки, кукольницы, переводчицы (с пяти языков!), человека редкой образованности и доброты»³¹; о том, что «Любовь Васильевна, образованная и умная женщина, обладала искусством привлекать и привязывать к дому молодежь. В шапоринском доме всегда бывали игры, шарады, представления»³².

По укоренившейся привычке к самоанализу Шапорина то и дело рефлексирует по поводу одного из свойств своего характера: «Вся беда в том, что я *органически* не могу не заботиться и не баловать в темную голову окружающих меня людей» (I, 117). Инстинктивный порыв помочь, услужить, по-видимому, выработывался христианским воспитанием в Екатерининском институте. Но вместе с тем, вероятно, он первоначально был защитной реакцией ребенка на сварливую вспыльчивость вечно чем-нибудь недовольной матери. С годами это укоренилось у Шапориной как спонтанное душевное движение, независимое от того, насколько недоброжелателен или враждебен к ней тот, кому она благодетельствует. Так было, в частности, и в ее отношениях с мужем.

Шапорин тяготился семьей, хотя жена деятельно помогала ему решать творческие проблемы. Главной из них была невозможность продвинуться в сочинении оперы «Декабристы»³³. Опера была задумана, по-видимому, в 1925 г. Первую редакцию либретто — под названием «Полина Гельб» — написали А.Н. Толстой и П.Е. Щеголев. В конце 1920-х гг. Толстой завершил последний, по его мнению, ва-

³⁰ Шапорина писала ему 2 июня 1932 г.: «...мы откровенно голодаем вот уже дней десять. Питаемся водяным супом, картофельными и рисовыми котлетами. Должна кругом и всем, обещала расплачиваться 2-го, т.к. была уверена, что 1-го ты мне вышлешь деньги, а ты, как видно из письма, еще только собираешься поговорить о деньгах» (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 8. Л. 9).

³¹ Юдина М. Лучи Божественной Любви: Литературное наследие. М.; СПб., 1999. С. 123.

³² Толстой Д.А. Для чего это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 38.

³³ Неумение Шапорина работать динамично и завершать свои произведения в намеченные сроки было его общеизвестным свойством. Так случилось, например, с кантатой «Куликово поле» на стихи А. Блока из цикла «На поле Куликовом»: ее замысел возник у Шапорина весной 1919 г.; до конца того же года Блок написал по его просьбе несколько дополнительных фрагментов и приспособил некоторые из ранее написанных к уже созданной Шапориным музыке; однако только в 1938 г. Шапорин сумел закончить произведение (изменения и дополнения в текст были внесены М. Лозинским; первое исполнение 18 ноября 1939 г.); материалы этой работы см. в архиве Блока: РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 104; об истории сотрудничества Блока и Шапорина см. в комментариях к дарственной надписи Блока Шапориной на своей третьей книге «Стихотворений»: Лит. наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 140—141.

риант либретто. Но композитор постоянно откладывал работу над музыкой, причем главным его аргументом был недостаток литературного материала. Несмотря на ранившую ее нескладницу в отношениях с мужем, Шапорина принялась деятельно подыскивать для него тексты, которые помогли бы ему продвинуться в сочинении оперы³⁴.

Но добрый порыв оказался тщетным. Наступил 1934 год. Шапорин рассорился с Толстым³⁵ и практически расстался с семьей — переехал в Клин, в часть Дома-музея П.И. Чайковского. В Москве у него уже была другая семья, и там в этом году родился его сын Александр.

В канун своего шестидесятилетия Шапорина почти теми же словами, что и по выходе из института, вынесла приговор семейной жизни: «Если женщина хочет чего-нибудь добиться, она не должна обзаводиться семьей» (II, 112). Но если почти пятьдесят лет назад ее представления об этом были умозрительными, то сказанное в 1948 г. — результат свойственного ее мировоззрению ригоризма и суровой оценки собственного жизненного опыта.

Под словами «чего-нибудь добиться» Шапорина подразумевала, конечно, свою творческую деятельность. Какою же она была в реальности?

Как сказано выше, в 1900—1910-е гг. эта деятельность начиналась с успешных занятий живописью — портретом, пейзажем, офортом. В 1916 г. она впервые обратилась к кукольному театру: сделала эскизы декораций к спектаклю по ею же переведенной пьесе К. Гоцци «Зеленая птичка»³⁶ и костюмы для представления «Силы любви и волшебства» в «Привале комедиантов»³⁷. С 1 декабря 1918 г. (официальная дата учреждения) Шапорина — художественный руководитель организованного ею Петроградского театра марионеток³⁸. Театр открылся 12 апреля 1919 г. двухчастным представлением, поставленным Шапориной: спектаклем по пьесе М. Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» и «Сказкой о царе Салтане» по Пуш-

³⁴ Дневниковые записи Шапориной об этой ее работе использованы в главе об истории создания оперы в кн.: *Левит С. Юрий Александрович Шапорин: Очерк жизни и творчества*. М., 1964. С. 311; то же см.: *Толстая Е.Д. Л.В. Шапорина в работе над оперой «Декабристы» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы*. М., 2008. С. 532—549 (с дополнительными фрагментами дневника, некоторыми неточностями в изложении биографии Шапориной и собственными воспоминаниями о ней автора).

³⁵ Либретто впоследствии переработал В. Рождественский, а опера была впервые поставлена в 1953 г.

³⁶ См.: *Смирнова Н.И. Советский театр кукол: 1918—1932*. М., 1963. С. 59. Шапорина даже заключила в 1917 г. с издательством «Альциона» договор на ее издание с собственными иллюстрациями, но оно не осуществилось.

³⁷ См.: *Конечный А.М., Мордере В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Приют комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия: 1988. М., 1989. С. 118, 119.*

³⁸ Об истории театра в период руководства им Шапориной см.: *Смирнова Н.И. Указ. соч.* (по указ. имен); *Шнет Л. Советский театр для детей: Страницы истории. 1918—1945*. М., 1971. С. 30—32.

кину³⁹. Время до конца театрального сезона 1923—1924 гг. было для Шапориной творчески исключительно плодотворным: она и сама поставила множество спектаклей и создала талантливый театральный коллектив, включавший писателей, художников, композиторов и режиссеров. При этом, за исключением приведенного отклика Кузмина, все прочие отзывы о работе Шапориной сводились, в сущности, к одному и тому же: «...настоящее, большое, художественное наслаждение»⁴⁰. В короткий период пребывания в Петрозаводске она не бросала творческих занятий: писала декорации для драматического театра. В Париже она занималась художественным переводом: в 1926 или 1927 г. перевела с итальянского пьесу «Каждый по-своему» Л. Пиранделло и отослала мужу для устройства представления на сцене⁴¹. Кроме того, здесь нашлось применение и ее таланту художницы: вместе с Н.П. Гойер она расписывала модные шелковые ткани. По возвращении в СССР она в 1929—1932 гг. раскрашивала ткани для театральных костюмов...

Таким образом, несмотря на обременительную и несчастливую для Шапориной семейную повинность, объективных оснований считать, что она ничего за это время не добила, у нее не было: все двадцать лет этой жизни она интенсивно и с удовольствием работала, и именно в те годы сформировалась ее творческая биография, успешно продолжавшаяся и после того, как Шапорин ее покинул⁴².

Заслуженная Шапориной в эти годы репутация талантливого режиссера-кукольника способствовала и дальнейшей ее интенсивной работе: она руководила организованным в 1934 г. театром марионеток при Доме писателей («...первое ее выступление под Новый год с шаржами на писателей и критиков было изумительно»⁴³), который в 1936 г. был передан в систему Госэстрады и под руководством Шапориной просуществовал почти до начала 1941 г. Одновременно ставила спектакли в кукольном театре Выборгского района Ленинграда. Той же творческой работой

³⁹ На «Сказку о царе Салтане» Кузмин написал отрицательную рецензию (*Кузмин М. П. Новый Салтан // Жизнь искусства. 1919. № 129. 6 мая*). Любопытно, что Шапорина присутствовала 1 сентября 1911 г. на представлении оперы Н. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», во время которого в присутствии императора и многих министров был убит А. Столыпин (программа этого спектакля с автографом-комментарием Шапориной: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 31. Л. 16 об.).

⁴⁰ *Нератов А. «Вий» в Кукольном театре // Жизнь искусства. 1920. № 622/624. 3/5 дек.*

⁴¹ РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 8. Л. 2.

⁴² При этом Шапорина отнюдь не стремилась к тому, чтобы муж, очевидно расставшийся с семьей в 1934 г., оформил развод с ней: сам Шапорин не делал этого по безалаберности (что привело в дальнейшем к коллизии с его двоеженством), а ей положение жены известного советского композитора не раз, как это явствует из дневника, давало существенные привилегии (начиная с получения в 1935 г. квартиры в кооперативном доме 14 по Кировскому проспекту; ходатайство об этом А. Толстого перед Жилищным отделом Ленсовета от 11 марта 1935 г. см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 3. № 3).

⁴³ *Толстой А. Письмо М. Горькому от 15 января 1935 г. // Толстой А. Переписка: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 196.*

режиссера кукольного театра она занималась и во время блокады (в театре при Доме Красной армии), а после войны руководила кукольным театром при Доме пионеров Фрунзенского района.

То же можно сказать о переводческой работе Шапориной. Помимо упомянутых переводов пьес она в течение двадцати лет (1944—1964) переводила Стендаля, Г. Келлера, К. Гольдони, Пиранделло, «Хроники моей жизни» И. Стравинского, французские письма К. Петрова-Водкина к жене⁴⁴ и произведения других авторов с итальянского, французского и немецкого языков.

Окружавшие Шапорину люди с восхищением отзывались о ней: «умнейшей, эрудированной, много читающей, милейшей» называл ее Ф. Крандиевский⁴⁵; А. Остроумова-Лебедева характеризовала Шапорину «как человека очень одаренного, живого, сильно и глубоко реагирующего на все окружающее»⁴⁶; В. Рождественский, записав 7 августа 1943 г. в альбом Шапориной свое стихотворение, адресовал его: «Дорогой Любови Васильевне Шапориной — достойной гражданке великого города <...>»⁴⁷ (см. также приведенные выше характеристики М. Юдиной и Д. Толстого).

Отчего же при всех этих успехах, творческой насыщенности жизни и искренней любви многих окружавших Шапорину людей ей представлялось, что она ничего в жизни не добилась?

Проблема, видимо, состояла, как ни парадоксально, в своеобразной цельности ее натуры: верности некогда сформировавшимся убеждениям, идеалам, этическим нормам (иной назвал бы это догматизмом).

Так, если она по выходе из института решила, что не создана для любви и семейные узы будут в ее жизни отягчающими оковами, то совершившееся все-таки через четырнадцать лет замужество безусловно должно было оцениваться Шапориной как вынужденное, ведущее к несчастью и оборачивающееся творческой непродуктивностью.

Негативное отношение к семейной жизни и, в частности, к мужу она перенесла и на сына Василия⁴⁸, которым постоянно (как некогда ею — ее мать) была недовольна, и так систематически и писала в дневнике, что сын — копия своего нерадивого отца. С годами, когда Василий стал известным театральным художником и

⁴⁴ Изданы только в 1991 г.: *Петров-Водкин К.П.* Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991.

⁴⁵ *Крандиевский Ф.Ф.* По дорожкам детскосельских парков // Звезда. 1984. № 3. С. 69—70.

⁴⁶ Цит. по: *Суриц Б.* «...больше, чем воспоминанья»: Письма художников, 1941—1945: В 2 кн. СПб., 1993. Кн. 1. С. 68.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 1086. № 36. Л. 6.

⁴⁸ О нем см.: *Березкин В.* Художник Василий Шапорин // Театр. 1966. № 5. С. 136—137; *Костина Е.* Художник театра В. Шапорин: (К вопросу о традициях) // Искусство. 1968. № 4. С. 24—28; *Шапорин В.* «Волнение от сущности» // Творчество. 1968. № 9. С. 3—4; *Луцкая Е.* «И песня, и стих...» // Художник. 1977. № 6. С. 25—28; *Луцкая Е.* Василий Шапорин // Театр. 1978. № 8. С. 77—80.

даже поставил в 1957 г. в качестве главного художника новосибирского театра «Красный факел» «Венецианских близнецов» К. Гольдони в переводе Шапориной, а в семейной жизни испытал собственные драматические коллизии, мать стала к нему ласковее. Лишь к родившейся у нее после сорока дочери Алене у непреклонной Шапориной вдруг пробудилась истовая (как часто и бывает) любовь; тем паче: смерть девочки в двенадцатилетнем возрасте лишний раз утвердила Шапорину в мысли о губительности семейной жизни для нее самой.

Пожизненная верность усвоенному в молодости мировоззрению определила и ее отношение к политическим и социальным явлениям, обстоятельствам, процессам, свидетельницей и участницей которых она оказалась.

Самым точным, по-видимому, наименованием мировоззрения Шапориной было бы слово «патриотизм». Однако ограничиться одним этим определением без рассмотрения того, что составляло для нее понятие патриотизма, было бы, на наш взгляд, неверным. (Не будем только упускать из виду, что мы имеем дело не с трактатом, не с систематическим изложением взглядов и идей, в котором автор заботился бы об их непротиворечивости, а с искренним дневником, который, повторим еще раз, писался без расчета на чтение кем бы то ни было.)

Что же входило в состав патриотизма Шапориной?

Любовь к России — так сказать, патриотизм в чистом виде. Характерно, что на протяжении десятилетий свою любовь, со свойственным ей и во многом другом консерватизмом, Шапорина описывает в одних и тех же выражениях. 26 февраля 1901 г.: «...хотелось бы все сделать, что в силах, для дорогой моей России. Люблю я ее, как человека» (I, 44); «Когда я закрываю глаза и думаю о России, мне представляется она живым существом, с которого живого сдирают кожу, кровь хлещет» (I, 90). Этот патриотизм иррационален: «В Россию можно только верить» — так, прямо цитируя Ф. Тютчева или его перефразируя, Шапорина будет писать в 1917, 1930, 1932, 1933 гг. (I, 54, 84, 126, 140—141), и только уже на склоне лет, душевно устав от полувековых перипетий политической жизни страны, она скажет: «...моя вера в Россию пошатнулась» (II, 326) — это когда народ будет «громом аплодисментов» приветствовать нового правителя СССР Н.С. Хрущева.

Любовью к России определялось и ее неприятие всех новых реалий советской жизни, начиная с насаждавшегося новояза: «Меня ужас, жуть берет при мысли о России. Одичавшая, грубая жизнь, грубый язык, какое-то чуждое мне» (I, 74). Шапорина постоянно отмечает режущие слух всепроникающие языковые новинки: «треплется», «достижение», «мóлодежь»⁴⁹, «ЖАКТ», «схлестнуться», «выдвигенка» и тому подобные. А в собственном словоупотреблении, как бы защищаясь от советских новаций, будет то и дело оперировать уже отмененными топонимами и по уко-

⁴⁹ Ср.: *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). 2-е изд. М., 1928. С. 77, 49, 205.

ренившейся институтской привычке переходить с русского языка то на французский, то на немецкий (к ним еще добавляется изученный ею самостоятельно в молодости итальянский) — подчас это литературные цитаты, но иногда и просто эмоциональные реплики по тому или иному поводу⁵⁰.

Любовь к России привела Шапороину к другой составляющей ее патриотизма — *национал-большевизму*. По прочтении знаменитой книги А. де Кюстина «Россия в 1839» она возмущенно записала: «А у нас его захвалили, благо он все русское ругает, а с разбором или нет, — это все равно, лишь бы ругал. Большевикам еще большая свеча поставится за то, что они учат патриотизму русских. Давно пора» (I, 211). А по прошествии трех месяцев с начала войны, еще, конечно, не представляя себе, каков будет ее трагический ход, но все с той же идеей о национально ориентированной сильной власти Шапороина написала: «Я вчера думала: Россия заслужила наказание, и надо, чтобы “тяжкий млат” выковал в ней настоящую любовь к родине, к своей земле. <...> Россия не может погибнуть, но она должна понести наказание, пока не создаст изнутри свой прочный фашизм» (I, 264). Несмотря на постоянное ощущение своего одиночества, Шапороина тут рассуждает в русле распространившегося еще с 1920 г. и довольно популярного в дальнейшем не только в политической, но и в обывательской среде умонастроения и идеологической концепции⁵¹.

От национал-большевизма для некоторых приверженцев этой идеологии пролегла во время войны дорога и к коллаборационизму: те, кто полагали власть коммунистов антипатриотичной, готовы были приветствовать приход фашистов в надежде, что они приведут к власти подлинных русских националистов, поскольку: «Хуже, чем есть, не будет, а хоть церкви-то разрешат и Богу молиться»⁵². Еще в 1939 г., прочитав о подписанном СССР с Германией пакте о ненападении, Шапороина записала: «Рабство, германское иго — так я предпочитаю, чтобы оно было открытым. Пусть на каждом углу стоит немецкий шцман с резиновой дубинкой в руках и бьет направо и налево русских хамов, пьяниц и подхалимов. Может быть, они тогда поймут, где раки зимуют» (I, 239). Но когда немецкая армия будет нещадно бомбить в декабре 1941 г. Ленинград, она отзовется так: «Какая бессмыслица! Я разочаровываюсь в немецком уме и гитлеровской стратегии. Он может уничтожить и город, и жителей, но пока армия стоит — город не сдадут. Зачем же разрушение?» (I, 283). И в конце концов Шапороина будет с гордостью констатировать:

⁵⁰ В этом плане дневник Шапороиной — литературный памятник многоязычия *такого* советского человека.

⁵¹ См.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980.

⁵² *Криптон К.* Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952. С. 65 и др. См. также: *Комаров Н.Я., Куманев Г.А.* Блокада Ленинграда. 900 героических дней. 1941—1944: Исторический дневник. Комментарии. М., 2004; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941—1944. М., 2004.

«Победу, войну у нас сумели организовать, надо отдать справедливость. <...> Это организовать. А победить мог только русский народ» (I, 423)⁵³.

Наконец, третья составляющая патриотизма Шапориной, происходящая от ее активного неприятия правившей страной власти, — *антисемитизм*. Читатель дневника Шапориной не раз встретит ее разнообразные пассажи в этом роде. Но то будут слова. Вместе с тем, читая тот же дневник, нельзя не увидеть, насколько часто ее поступки и отношения с людьми расходились со словами.

Что из этого следует? То, что, по крайней мере во мнении знавших Шапорино людей, у нее, безусловно, не было репутации антисемитки, а записываемое в этом роде в дневнике не только не проявлялось в ее общении с евреями, но практически дезавуировалось конкретными поступками. Это противоречие свидетельствует, скорее всего, о том, что антисемитизм Шапориной, как составная часть воспитанного в ней с юности патриотизма, был не плодом обдуманного ею мировоззрения, а данью традиционному стереотипу и в значительной степени иррациональным чувством⁵⁴.

В восьмидесятилетнем возрасте, после неоднократных попыток, Шапориной удалось повидаться с братьями, о встрече с которыми она постоянно мечтала на протяжении тридцати с лишним лет⁵⁵. Это было для нее возвращением в родную семью, в молодость — встретила даже со своими институтскими подругами, о которых никогда не забывала. И здесь, в благополучной Швейцарии, очередной раз ей довелось проявить неизменность своего характера и убеждений: «Мне не хотели верить, что со смертью Сталина прекратился террор, что его больше нет. Милейшая М. Филип. пыталась меня распропагандировать <...>, но я ей ответила: “...вот уже сорок два года, как мы отбились от всех, кто надеялся взять Россию голыми руками, и стали сильнее, чем когда-либо”» (II, 386).

Наивная искренность, прямодушие и верность идеалам молодости не покидали ее до конца жизни.

Любовь Васильевна Шапорина умерла 17 мая 1967 года.

Валерий Сажин

⁵³ Читателю дневников Шапориной, обнаруживающему иной раз ее непоследовательность или наивность, особенно в рассуждениях на политические темы, надо помнить: она совершенно не заботилась (не задумывалась), что когда-нибудь эти дневники будут читаться, тем более изучаться.

⁵⁴ Об этом см.: *Золотоносов М.* Русоблудие: Заметки о русском «оно». Антисемитизм как психоаналитический феномен // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 269—286.

⁵⁵ За Шапорино ходатайствовал перед Министерством иностранных дел в апреле—мае 1959 г. друг ее семьи Д. Шостакович (письма Д. Шостаковича Шапориной об этом см.: РИИИ. Ф. 48. № 57; в том же архиве хранится значок Театра рабочей молодежи, подаренный Шостаковичем дочери Шапориной Алене: Ф. 48. № 76).